

МИЛЛИОН

ДИОНИС ИВНИЦКИЙ

Дионис Ивницкий

Мидлион

«Автор»

2026

Ивницкий Д.

Мидлион / Д. Ивницкий — «Автор», 2026

Три империи разделили мир, магические гильдии подчинились строгим законам, а старые войны превратились в легенды. Но равновесие начинает рушиться, когда Аднилат Фатьен и его двоюродный брат Микос отправляются на поиски Джодоса — человека, исчезнувшего шесть лет назад. Их путешествие приводит к тайне, способной изменить представление о самой природе магии. Джодос оказывается связан с Бурей — древней силой, которую невозможно освободить без последствий. Одновременно герои узнают, что смерть правительницы Авалии Каливион могла быть лишь частью гораздо более сложного замысла, а люди, обвинённые в её убийстве, действовали под воздействием неизвестного проклятия.

© Ивницкий Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дионис Ивницкий

Мидлион

Предисловие

Посреди буйных вод невообразимо огромного океана лежал остров, названный в честь богини Таленды, наставлявшей людей на путь света и миролюбия. Некогда его жители считали себя единым народом, а дороги, проложенные между городами, не знали ни застав, ни пограничных укреплений. Однако бесчисленные войны, насилие и захваты раскололи остров на три части. Так возникли три развивающиеся и просвещающиеся империи: Мидлион, Лиарда и Таленда.

На западе острова простиралась Лиарда. Её столицей был Орион — живописный портовый город на севере империи, принимавший торговые суда и караваны из внутренних земель. Отличительной чертой Лиарды считалось стремление её жителей к покорению и приручению животных. Бойцовские гильдии отправлялись в Великие леса на севере острова, где выслеживали диких зверей и превращали их в верных компаньонов. Прирученные создания усиливали своих хозяев, охраняли поселения, сопровождали путников и защищали домашний скот от хищников.

Императрица Лиарды Анжел Эприон поддерживала этот путь развития. Она видела могущество государства не только в армии и магии, но и в способности прокормить жителей, сохранить поля и защитить деревни. При ней земледелие стало одной из опор империи, а союз человека и зверя превратился из старинного ремесла в признанное искусство. Лиардийские наставники учили, что настоящий покоритель не ломает волю животного, а заслуживает его доверие. На деле этому правилу следовали далеко не все, и за стенами гильдий нередко спорили о том, где заканчивается приручение и начинается подчинение.

Между Мидлионом и Лиардой располагалась империя Таленда. Её столицей был Снауфорд — древнейший город острова, стоявший у границы с Лиардой. Над городом возвышался огромный замок, возведённый на высоких холмах. Его башни были видны задолго до того, как путник приближался к городским воротам, а каменные стены хранили следы эпох, сменявших одна другую.

Главной ценностью Талендийского императорского замка считался его исторический статус. В нём находился Архив Таленды — так называли библиотеку императрицы Марганы Риост. Там хранились бумаги, собранные за все известные времена существования острова: договоры между богатейшими и знатнейшими семьями, генеалогические древа, свидетельства о владении землями, старые судебные решения и доказательства правомерности всего, о чём однажды мог возникнуть спор.

Таленда считала себя преемницей законов, принятых ещё до разделения острова. Поэтому её влияние основывалось не только на силе войск. Империя регулировала правовые отношения, сохраняла документы и выносила решения в межимперских конфликтах. Ни Лиарда, ни Мидлион не признавали за ней безусловного права судить соседей, однако обеим державам приходилось обращаться к Архиву, когда спор касался старых границ, наследования титулов или забытых обязательств.

Маргана Риост стремилась достигнуть новых высот в благоустройстве своей империи. Прирождённая архитектор и творец, она тонко понимала искусство и видела в городах отражение государственной воли. При ней Снауфорд расширялся, старые кварталы восстанавливались, а новые мосты, площади и общественные здания должны были показывать жителям, что

закон способен не только запрещать и карать, но и созидать. Благодаря этому Таленда заметно превосходила соседей в градостроительстве.

Сильнейшей гильдией Лиарды считался «Дозор Таленды». Он тесно сотрудничал с гильдией «Божественный Клич» из Таленды и объединял знания воскрешения и изменения. В самой Таленде наибольшим влиянием обладало «Мировое Господство» — первая религиозная гильдия, обучавшая своих последователей лечению и поддержке. Союзы между гильдиями существовали дольше многих политических договоров, но и они зависели от личных клятв, соперничества наставников и интересов правителей.

На востоке острова лежала империя Мидлион. Её столицей являлся Мальин — крупный портовый город, через который проходили товары, знания и слухи со всех побережий. Император Амер Каливион стремился расширить познания в магии и разрушить границы, разделявшие гильдейские учения. За время его правления государство стало безопаснее: магические щиты покрыли города и лишили разбойников прежней возможности безнаказанно разорять поселения.

Однако безопасность имела свою цену. Перемещение жителей между империями ограничивалось. Пересекать границы дозволялось преимущественно представителям бойцовских и религиозных гильдий, причём в каждой державе действовали собственные требования к их силе и независимости. Эти ограничения вошли в число соглашений, предложенных Мидлионом на Межимперском совете.

Совет проводился ежегодно в крепости Скальдион. Она стояла на острове Притион, возвышавшемся среди вод озера, берега которого принадлежали всем трём империям. Место выбрали не случайно: ни один правитель не мог назвать его исключительно своей землёй. Здесь императоры и их советники обсуждали торговлю, границы, совместное существование государств и изменения в общепринятых соглашениях.

Мидлион объяснял пограничные ограничения угрозой, надвигавшейся под покровом ночи и магии. Её связывали с выпускниками гильдий, которые, получив знания, больше не желали подчиняться наставникам и государствам. Маг, освоивший сложное учение прежде простого, нередко быстрее овладевал менее сильными навыками. Чем больше таких людей появлялось на острове, тем труднее становилось отличить странствующего ученика от будущего преступника, наёмника или мятежника.

О Мидлионе, простиравшемся от побережья Великого океана до северного города Сноуфилд, слагали легенды. Им правил Амер из семьи Каливион, ещё не достигший тридцатилетия. Его сестра Авалия умерла в возрасте тридцати четырёх лет. Объявленная императрицей ещё в младенчестве, она много лет участвовала в развитии государства и делах за его пределами, но не оставила после себя наследника императорского трона.

Расследование смерти Авалии Каливион вёл Гильдейский совет. Несмотря на родство Амера с покойной императрицей, законность его правления вызвала споры. Одни считали его естественным наследником, другие утверждали, что близость крови не заменяет установленного порядка передачи власти. На юге от Мидлиона откололся богатый остров. Влиятельные семьи провозгласили его провинцией Литондрой и отказались признавать законность императорского трона Амера Каливиона.

В Мидлионе насчитывалось шесть крупных городов, вокруг которых образовалось столько же провинций. В их состав входили небольшие поселения, форты, отдельные крепости и замки. На юге находились Хэлсторн и Алдрэйн, разделённые двумя полноводными реками, полями и небольшими лесами. В центральной части располагались Оджейн и столица Мальин. На заснеженном севере стояли Лифсотн и Сноуфилд.

Мальин был не только столицей, но и средоточием религиозной жизни. Здесь находились главная часовня и одноимённая гильдия Милости Мовира. Сноуфилд служил пограничным

городом и открывал путь к так называемому Северному имперскому тракту. Дорога начиналась в Мальине, проходила через Лифсотн и Сноуфилд, а затем уходила в сторону Лиарды.

Помимо городов и провинций, земли Мидлиона делились на автономные форты, крепости, порты и замки. Они могли принадлежать отдельным семьям или не иметь признанного владельца. Если род, владевший такой землёй, прекращал существование, собственность переходила городу и провинции, в пределах которых находилась. Именно поэтому сведения о происхождении семей, браках и наследниках имели не меньшее значение, чем сила гарнизонов.

Главной религией Мидлиона был мовиросфизм, названный в честь бога Мовира. Его алтари возводили в городах и вдоль дорог. Мовир считался одним из верховных божеств, уступавшим лишь своей матери Таленде. Жители империи гордились поклонением историческим богам, поэтому часовни тщательно охранялись властями и стражей. Наказание за осквернение святынь определялось отдельно для каждого преступника и зависело не только от содеянного, но и от места, где было совершено святотатство.

Государственная структура Мидлиона состояла из нескольких ведомств. Во главе находился император, а при его отсутствии — дворянин, носивший звание герцога Императорского трона. Следом за правителем стоял Совет лордов, в который входили все живущие дворяне высшего ранга. Совет влиял прежде всего на политику. Он не имел права самостоятельно назначать городских правителей или вмешиваться в религиозные и гильдейские структуры, но мог вносить предложения и не согласовывать решения нижестоящих организаций.

Ниже располагались Гильдейский совет и Гильдейский альянс. В Гильдейский совет входили представители семей из разных городов империи. Они выступали от имени своих поместий и могли наделять людей полномочиями по управлению провинциями, если сделанный выбор получал одобрение Совета лордов. Такое устройство должно было сдерживать единоличную власть, но на практике порождало союзы, взаимные обязательства и долгие споры между семьями.

Титулы образовывали особую иерархию трона. Низшим считался титул мастера. Обычно мастерами становились владельцы небольшой фермы или лавки в поселении, чей доход измерялся бронзовыми и серебряными лиордами. Выше стояли купцы: они владели полями, могли торговать в небольших городах и получали право на строительство, хотя не всегда имели право продавать возведённые здания.

Графы владели поместьями, крепостями и фортами. Им разрешалось торговать в городах, открывать собственные лавки и строить жилые дома для продажи или дарения. Высшим титулом считался лорд. Лорды входили в имперский Совет, могли предлагать изменения в государственном устройстве, наделять людей титулами вплоть до купеческого и выдвигать собственные кандидатуры на императорский трон.

Гильдейский альянс состоял из представителей гильдий, контролировавших истоки магии. Гильдиями называли учреждения, где обучали магическим и боевым искусствам. В общей системе выделяли шесть направлений: Гильдию метафизики и ментальности, Гильдию изменения, стихийные гильдии, Гильдии ближнего и дальнего боя, Гильдию Мовира и Гильдию некромантии.

Метафизика и ментальность включали пять навыков: эмпатию, телепатию, коллективный разум, управление и телекинез. Гильдия изменения также обучала пяти навыкам: невидимости, скрытности, призрачности, перевоплощению и иллюзии. Стихийное направление объединяло огонь, воздух, воду, землю, шторм и свет, а также три смежных искусства — огненный шторм, лёд и природу.

Ближний и дальний бой считались двумя равноправными направлениями. Ближний бой включал владение одноручным оружием, клинком, двуручным оружием и защитой. В дальнем бою изучали лук, арбалет и защиту. Гильдия Мовира обучала очищению и исцелению, а Гильдия некромантии — воскрешению, смерти и перерождению.

Всего в известных гильдиях насчитывался тридцать один навык. Тот, кто овладевал всеми, становился почти недостижимым знатоком магии. Подобных людей было мало, но само их существование тревожило правителей. Если оставить такую силу без контроля, однажды на острове могло не остаться ни тех, кто знал его подлинную историю, ни тех, кто сумел бы передать её неискажённой.

Разделение острова не уничтожило память о прошлом. В каждой империи рассказывали собственную версию давних войн. Лиарда говорила о защите свободных земель, Таленда — о сохранении закона, Мидлион — о необходимости удержать порядок среди магического хаоса. Одни и те же имена могли принадлежать в этих рассказах героям, предателям или узурпаторам. Даже хранившиеся в Архиве документы не всегда прекращали спор: печать подтверждала происхождение бумаги, но не честность человека, составившего её.

После раскола старые дороги не исчезли. Они продолжали пересекать леса, равнины и горные проходы, но теперь упирались в заставы. Семьи, прежде жившие по разные стороны одного города, оказались под властью разных императоров. Купцам приходилось получать разрешения, священнослужителям — доказывать принадлежность к признанной гильдии, а странствующим магам — объяснять, чему и у кого они обучались. Те, кто не мог или не желал отвечать, выбирали тайные тропы.

Ограничения породили новый промысел. Проводники переводили людей через леса и болота, подделывали рекомендательные письма и продавали сведения о времени смены пограничной стражи. Среди них встречались как обычные мошенники, так и бывшие ученики гильдий. Некоторые помогали разлучённым родственникам, другие переправляли оружие, запрещённые книги и магические предметы. Власти трёх империй осуждали подобные занятия, но каждая из них тайно пользовалась услугами тех же проводников, когда государственные интересы требовали скрытности.

Межимперский совет должен был удерживать державы от новой войны. На заседаниях правители улыбались друг другу, обменивались дарами и подтверждали мирные соглашения. За закрытыми дверями советники спорили о каждом слове. Изменение торговой пошлины могло разорить пограничный город, признание старого брака — передать крепость другому роду, а допуск новой гильдии к перемещению между странами — нарушить равновесие сил.

Особенно остро обсуждался Мидлион. После смерти Авалии соседи не знали, считать ли Амера законным правителем или временным хранителем трона. Анжел Эприон предпочитала наблюдать и укреплять собственные земли. Маргана Риост обращалась к законам и архивным свидетельствам, но даже в Таленде не находили документа, который окончательно прекращал бы спор. Сам Амер действовал так, словно сомнения не имели значения: усиливал щиты, поддерживал гильдии и готовился защищать страну.

Смерть Авалии оставалась не только семейной трагедией Каливионов. Она изменила отношения между городами, дворянами и гильдейскими наставниками. Те, кто был обязан своим положением покойной императрице, опасались потерять влияние. Другие увидели возможность приблизиться к трону. Гильдейский совет, взявшийся за расследование, оказался перед опасным выбором: назвать виновного означало изменить будущее государства, а признать, что доказательств нет, — навсегда оставить подозрение над новым правителем.

Литондра стала первым открытым последствием этого недоверия. Богатые семьи южного острова располагали землями, портами и людьми, поэтому их отказ подчиняться нельзя было считать пустым жестом. В Мидлионе их называли мятежниками. Сами они утверждали, что защищают прежний порядок и не желают служить власти, чья законность не доказана. Пока спор вёлся словами, обе стороны собирали припасы и укрепляли берега.

Внутри Мидлиона тоже не существовало полного единства. Южные города жили иначе, чем столица, а северные провинции зависели от имперского пути и отношений с Лиардой. Хэлсторн и Алдрэйн разделяли реки и поля, но ещё сильнее их разделяли судьбы. Мальин богател

благодаря порту и паломникам. Оджейн занимал важное положение в центре страны. Лифсотн и Сноуфилд держали северные дороги, по которым могли прийти как торговые караваны, так и чужие войска.

Гильдии связывали эти земли и одновременно дробили их. Ученик мог родиться в одной провинции, обучаться в другой, служить третьей семье и поклоняться наставнику, чьи интересы выходили за границы империи. Магические способности давали человеку место в обществе, но налагали обязанности. Чем редкостнее был навык, тем пристальнее за его владельцем наблюдали советы, правители и соперники.

Среди самих магов не было согласия о предназначении силы. Одни считали, что знания должны принадлежать государству, потому что только власть способна удержать их от преступников. Другие видели в гильдейском контроле попытку превратить свободных людей в оружие. Третьи искали забытые учения, не признавая ни запретов, ни границ. Именно таких искателей чаще всего связывали с угрозой, о которой говорил Мидлион.

Особый страх вызывало соединение навыков. Эмпатия без телепатии позволяла чувствовать чужие переживания, но вместе они открывали путь к коллективному разуму и управлению. Невидимость помогала скрыться, а перевоплощение и иллюзия позволяли уже не просто исчезнуть, а стать другим человеком. Стихийная магия могла согреть дом или уничтожить укрепление. Исцеление спасало жизнь, тогда как некромантия ставила под сомнение саму границу между жизнью и смертью.

Поэтому перечень из тридцати одного навыка был не обычным учебным списком. Он представлял собой карту возможностей, за каждую из которых боролись гильдии. Освоивший всё известное маг мог бы лечить и убивать, скрываться и управлять, разрушать стихиями и возвращать мёртвых. Ни один император не хотел видеть подобную силу в руках противника, но каждый мечтал заполнить её для себя.

На дорогах острова люди редко размышляли о великих замыслах правителей. Земледельцы заботились об урожае, купцы — о сохранности товаров, священники — о чистоте алтарей, а семьи ждали возвращения тех, кто отправился учиться, воевать или торговать. Но решения, принятые в замках и советах, постепенно проникали в их жизнь: меняли цену хлеба, закрывали границы, приводили стражу к дверям и заставляли выбирать сторону.

Обычный человек узнавал о переменах не из императорских указов, а по их последствиям. На постоялом дворе внезапно требовали новые бумаги, привычная дорога оказывалась перекрыта, а знакомый торговец больше не приезжал на ярмарку. Затем появлялись слухи: кто-то видел возле границы незнакомых магов, кто-то слышал о пропавшем отряде, кто-то уверял, что покойники снова ходят по ночам. Большинство таких рассказов рождалось из страха, но иногда вымысел скрывал правду, к которой власти ещё не были готовы.

В городах множились люди, способные извлечь выгоду из общей тревоги. Одни продавали защитные амулеты, другие обещали провести через магический щит, третьи выдавали себя за посланников влиятельных гильдий. Настоящие мастера старались отличить знание от обмана, однако даже они не всегда понимали природу найденного заклинания или древнего предмета. Магия острова была старше империй и не обязана была подчиняться созданным людьми перечням.

Храмы тоже становились участниками борьбы. Священнослужители Мовира призывали к очищению и милосердию, но среди них находились те, кто видел в чужой вере угрозу. Последователи Таленды напоминали о мире, хотя именем богини оправдывали решения, способные привести к войне. Чем чаще правители обращались к божествам, тем труднее было понять, где заканчивалась вера и начиналась политика.

И всё же между империями сохранялись связи, которые нельзя было разорвать одним приказом. Ученики помнили наставников из соседних земель, купцы поддерживали давних товарищей, а дворянские семьи были соединены браками и наследством. Даже стражники на

противоположных сторонах границы иногда знали друг друга по имени. Эти незаметные отношения удерживали остров не хуже официальных соглашений, хотя любой новый конфликт мог превратить доверие в уязвимость.

Так остров, названный в честь богини света и миролюбия, жил в ожидании перемен. Три империи сохраняли мир, но каждая готовилась к тому дню, когда договоры окажутся слабее страха и честолюбия. Архивы хранили прошлое, гильдии создавали будущее, а смерть Авалии Каливион соединяла старые обиды с новыми угрозами.

История острова ещё не была дописана. Она продолжалась в судьбах тех, кто покидал родные города, искал пропавших близких, осваивал запретные силы и пытался понять, кому можно доверять. Их пути должны были пройти через имперские дороги, гильдейские замки и земли, где закон утрачивал власть. И каждый сделанный ими выбор мог приблизить остров либо к единству, о котором говорили древние предания, либо к новой войне.

Глава 1

В Мидлионе существовало немало стихийных гильдий, однако ни одна из них не внушала магам такого почтения и страха, как Гильдия Шторма. Её замок, носивший название Лик Тени, возвышался над Хэлсторном и считался единственным местом, где ещё сохранялось искусство подчинения молний. Многие смельчаки мечтали овладеть этой силой, но немногие решались отправиться за ней. Среди решившихся были два молодых путника из Алдрэйна — Аднилат и его двоюродный брат Микос. Их влекла не только жажда знаний. Они верили, что сила Шторма поможет им в поисках человека, исчезнувшего шесть лет назад.

Аднилат был невысоким, крепко сложенным юношей с тёмными волосами и карими глазами. Он владел эмпатией и телепатией, а в минуты опасности соединял сознания спутников при помощи коллективного разума. Микос, его младший двоюродный брат, казался полной противоположностью: высокий, худощавый, светловолосый и зеленоглазый. Его дарами были невидимость и скрытность. Вместе они покинули спокойный Алдрэйн и направились в Хэлсторн. Дорога вела через Оджейн, чьи стены оплетали ядовитые лианы, и мимо холодного Сноуфилда, окружённого ледяными холмами. Однако ни один из этих городов не сулил таких опасностей, какие ожидали путников в конце пути.

Хэлсторн славился мятежами, кражами и жестокостью, но когда-то он мало отличался от Алдрэйна. Оба города находились на юге Мидлиона, жили под одним солнцем и были окружены похожими лесами и полями. Между ними устраивали ярмарки, а вдоль дороги стояли статуи и цвели сады. Теперь от прежнего благополучия почти ничего не осталось. Хэлсторн медленно умирал, и даже его жители, казалось, уже не помнили, когда началось падение.

И всё же именно здесь находился Лик Тени. Шторм считался одной из самых трудных стихий: магическая энергия наполняла тело током, и тот, кто не умел ею управлять, погибал в мучениях. Рассказывали, что неудачникам молнии разрывали вены изнутри. Со временем желающих становилось всё меньше, а Гильдия Шторма приобрела славу одновременно величайшего и проклятого учения. Большинство магов предпочитало леса и болота одному лишь упоминанию о дороге в Хэлсторн.

Аднилат и Микос не могли позволить себе отступить. Их собственные способности помогали скрываться, чувствовать намерения окружающих и разговаривать мысленно, но не давали силы, способной изменить исход настоящей битвы. Шторм мог стать тем преимуществом, которого им недоставало в поисках Джодоса — старшего брата Микоса, покинувшего Алдрэйн шесть лет назад. Джодос был на три года старше Аднилата, отличался жаждой знаний и удивительной способностью быстро постигать новые учения. Именно эта жажда однажды и увела его из дома.

Никто не знал, что с ним случилось. Одни говорили, будто Джодос основал собственную гильдию и изучает запрещённые заклинания. Другие уверяли, что он примкнул к разбойникам. Оба слуха звучали правдоподобно и одинаково пугали семью, но Аднилат и Микос отказывались строить выводы на чужих пересудах. Им требовалась правда, какой бы она ни оказалась.

В Алдрэйне оставалась Викта, младшая сестра Аднилата. Она была на год младше Микоса, изучала алхимию и помогала служителям церкви Мовира. Лазурные глаза и длинные русые волосы придавали ей обманчиво хрупкий вид. Братья не взяли Викту с собой: путь казался слишком опасным для девушки, только начинавшей осваивать светлую магию. Перед отъездом они заверили её, что помощь церкви и занятия алхимией не менее важны для поисков, чем оружие и заклинания.

После исчезновения Джодоса Микос часто приходил к Аднилату и Викте. В детстве они играли в маленьком домике, который сами построили в лесу, а став старше, собирались там, чтобы говорить о том, чего не решались обсуждать со взрослыми. Со временем каждый из

них понял: воспоминания о безмятежном детстве неизменно заканчивались на том дне, когда Джодос ушёл. В том же лесном домике все трое поклялись найти его, сколько бы времени это ни потребовало.

Первые дни пути проходили среди зелёных полей и светлых перелесков. Братья рассуждали о том, как изменится Мидлион, если алтари Мовира появятся во всех поселениях, и вспоминали противоречивые рассказы о священниках Милости. О них слагали и благодарственные песни, и мрачные баллады. Постепенно птичьи голоса стихли, краски померкли, а дорогу окутал тяжёлый туман. Когда из серой пелены показались огромные ворота Хэлсторна, даже Микос перестал шутить.

За воротами их встретили горы тел. Во взглядах местных жителей застыло отчаяние, словно город много лет жил под проклятием или так и не оправился от чумы. Раненый скот едва передвигался по загонам, тщетно разыскивая свежую траву и воду. Ржавые створки городских ворот всё ещё выглядели крепкими, но всё, что они защищали, медленно превращалось в руины. На утёсе над городом возвышался Лик Тени. Чтобы добраться до него, путникам предстояло пройти через весь Хэлсторн.

У подножия утёса путники заметили единственное здание, из трубы которого поднимался дым. Над покосившейся дверью висела выцветшая вывеска с изображением медного котла. Внутри пахло кислым пивом, мокрой древесиной и травами. За стойкой появилась молодая женщина в тёмном переднике. Она окинула братьев быстрым, настороженным взглядом, но улыбнулась.

— Не часто к нам приходят по своей воле, милорды. Я Ариэтт, управляю этой таверной. Сегодня есть горячая похлёбка и пиво, которое пока ещё не успело испортиться.

— Похлёбки будет достаточно, — ответил Микос. — И, если позволите, немного сведений о Лике Тени.

Улыбка Ариэтт дрогнула. Она поставила перед гостями две миски и уже собиралась отойти, когда с дальнего конца зала послышался хриплый смех.

— Сведений им подавай! — крикнул седой старик, прижимая к груди кружку. — Два юнца решили выучить Шторм. Вот умора. Закажите сразу и саваны!

— Равео, довольно, — резко сказала Ариэтт. — Или позвать Таврию, чтобы она отвела тебя домой?

Старик недовольно заворчал, но замолчал. Ариэтт пододвинула стул к столу братьев.

— Не принимайте его слова за обычную пьяную болтовню. Много лет назад сюда приходили опытные маги. Некоторые ради Шторма осваивали три стихийные гильдии, другие выдавали себя за священников, чтобы получить доступ к закрытым знаниям. Они входили в Лик Тени и не возвращались. Те немногие, кто всё же спускался обратно, уже не могли колдовать. Последние годы к замку не ходит никто.

Аднилат коснулся края миски и ощутил исходившее от Ариэтт беспокойство. Под ним скрывалось что-то ещё — воспоминание, слишком острое для простой городской легенды. Он не стал вторгаться глубже.

— Вы видели кого-нибудь из вернувшихся? — спросил он.

— Видела, — после паузы ответила Ариэтт. — Моего отца. Он прожил после этого три месяца и ни разу не рассказал, что произошло в замке.

Микос перестал улыбаться.

— Мне жаль.

— Жалость здесь никому не помогает. Если всё же пойдёте, не верьте первому, кто назовёт себя вашим проводником. В Лике Тени слишком много голосов и слишком мало правды.

Братья поблагодарили её за еду. У двери Микос пообещал заглянуть на обратном пути, но Ариэтт ничего не ответила. Она смотрела на них так, словно уже провожала покойников.

До выхода из таверны Аднилат задержался у окна. На противоположной стороне улицы женщина накрывала плащом неподвижного ребёнка, а двое мужчин молча разбирали завал у обрушившегося дома. Никто не просил помощи и не звал стражу. Город словно давно отучился надеяться на ответ. Аднилат почувствовал чужую боль и поспешно закрыл сознание: если позволить ей войти, он мог утонуть в ней ещё до подъёма к замку.

— Мы можем вернуться с подкреплением, — тихо сказал Микос, угадав его колебание. — Найти магов в Оджейне или хотя бы рассказать обо всём в Алдрэйне.

— И потерять ещё несколько недель. Если гибель города связана с Ликом Тени, к нашему возвращению помогать будет некому.

Они вышли под моросящий дождь. На площади сохранился постамент, но статуя лежала рядом, расколота пополам. На её основании Аднилат различил стёртую надпись: «Шторм хранит тех, кто не склоняется перед страхом». Слова могли быть клятвой, предупреждением или злой насмешкой. Микос провёл ладонью по каменным буквам и первым направился к утёсу.

Тропа к замку давно заросла колючим кустарником. Чем выше поднимались братья, тем холоднее становился воздух. Заклинание света вспыхивало в ладони Аднилата и тут же гасло, будто темнота высасывала из него силу. У самого обрыва Лик Тени казался парящим над пропастью. Паутина стягивала его ворота, а каменные ступени были засыпаны обломками.

Аднилат трижды постучал. Ответа не последовало. Микос уже хотел обойти замок, когда створки распахнулись сами. Изнутри вырвался ледяной порыв, погасил их свет и потянул за собой. Стоило братьям переступить порог, как ворота с тяжёлым грохотом закрылись.

За ними лежал зал, превосходивший размерами весь дом Аднилата. Колонны уходили во тьму, а между ними висели оборванные знамёна с серебряными молниями. На мозаичном полу были изображены пять человеческих фигур, державших над головами чёрную звезду. Часть изображения кто-то намеренно разбил: от центральной фигуры остались только глаза, выложенные золотым стеклом. Куда бы ни отходили братья, эти глаза продолжали смотреть на них.

— Всё ещё считаешь, что это хорошая идея? — мысленно спросил Микос.

Аднилат связал их сознания, закрепляя нить коллективного разума.

— Хороших идей у нас не осталось. Поэтому держись рядом.

На стенах один за другим загорелись факелы. Их синеватого пламени едва хватало, чтобы различить пять фигур в конце зала. Впереди стояла немолодая женщина с угольно-чёрными волосами и золотистыми глазами. Серая мантия делала её почти частью каменной стены. По обе стороны от неё замерли светлоглазые близнецы, а позади — двое мужчин в тёмно-синих одеждах: один с двуручным топором, другой с посохом.

— Приветствую отчаянные души, — произнесла женщина бархатным голосом. — Здесь меня называют Скальд. Я хранительница Лика Тени и владею всеми стихийными гильдиями.

Аднилат попытался коснуться её мыслей. Вместо них он ощутил гладкую, холодную преграду.

— Я Микос, а это мой кузен Аднилат. Мы пришли из Алдрэйна, чтобы...

— Чтобы обуздать Шторм, — закончила за него Скальд. Её улыбка была лишена тепла. — Когда-то сюда являлись великие маги. Теперь приходят мальчишки с дорожной пылью на сапогах.

— Значит, вы нас испытаете? — спросил Аднилат.

— Если бы вы знали, чего просите, уже бежали бы вниз по склону. Первое заклинание Шторма нередко становится последним: молния входит в кровь и разрывает человека изнутри. Вы готовы заплатить такую цену?

Микос почувствовал, как кузен усилил мысленную связь.

— Мы пришли не ради славы, — сказал он вслух. — Нам нужна сила, чтобы найти человека. Я готов рискнуть.

— И я, — добавил Аднилат.

Скальд представила остальных: близнецов звали Элизабет и Изабель, мужчин — Орион и Литен. Кто из них был кем, она намеренно не уточнила.

— До начала испытания отдайте оружие, — потребовал мужчина с топором.

Микос сжал рукоять кинжала. Отказ мог показаться страхом, согласие — глупостью. Аднилат уловил в мужчине нетерпение и странное ожидание, словно тот надеялся на сопротивление. Он едва заметно качнул головой. Микос вынул клинок, но положил его не в протянутую ладонь, а на пол перед собой.

— Мы пришли учиться, а не нападать. Пусть оружие останется здесь до нашего возвращения.

Женщина, назвавшаяся Скальд, несколько мгновений изучала его лицо, затем рассмеялась.

— Оставь себе. Внизу железо всё равно не защитит тебя от того, что там живёт.

— Тогда проститесь с теми, кого любите, — сказала она. — Возможно, воспоминания о них станут последним, что вы сохраните.

Факелы погасли. Над каменным полом закружился ветер, пахнувший озоном и мокрым железом. В темноте вспыхнули белые разряды. Они сплелись в человеческий силуэт, слишком высокий и тонкий, чтобы принадлежать живому существу.

— Кто просит моего покровительства? — голос призрака прогремел сразу со всех сторон. — Я вижу ваши сердца. Они чище сердец тех, кто приходил прежде, но чистота не равна достоинству. Откажетесь от испытания — умрёте сейчас. Примете его — возможно, немного позже.

Братья переглянулись и одновременно кивнули.

— В пещерах под замком спрятаны два амулета. Принесите их, и я решу, заслуживаете ли вы Шторма.

Призрак распался на искры. Элизабет и Изабель открыли решётчатую дверь в глубине зала и протянули братьям свиток.

— Карта подземелья, — сказали они в один голос. — Мы прошли похожее испытание. Наше, разумеется, было труднее.

Скальд тихо рассмеялась им вслед.

За решёткой начинался узкий спуск. Каменные стены мерцали вкраплениями чёрных кристаллов, по которым пробегали слабые молнии. Близнецы остались у входа. Через несколько десятков шагов их силуэты растворились во мраке.

Аднилат поддерживал мысленную связь, но чувствовал постоянное давление, будто кто-то пытался перерезать невидимую нить. Карта указывала на развилку, однако отмеченные на ней проходы менялись всякий раз, когда Микос разворачивал свиток.

В первом боковом гроте они обнаружили остатки лагеря: истлевшее одеяло, погнутый котелок и три пары обуви. Ни костей, ни следов борьбы рядом не было. На стене кто-то выцарапал одно слово — «НЕБО», повторив его десятки раз. Последние буквы уходили под самый потолок, куда человек не мог дотянуться без лестницы.

Микос хотел осмотреть вещи, но Аднилат остановил его. От грота исходила слабая тоска, похожая на зов. Чем дальше он вслушивался, тем отчётливее видел родной дом: Викта стояла на крыльце и просила их вернуться. Видение было таким убедительным, что он сделал шаг к стене.

Микос схватил его за плечо.

— Там ничего нет.

Картинка рассыпалась. Под ногой Аднилата обнаружилась трещина, за которой чернел глубокий провал. Ещё один шаг — и он сорвался бы вниз.

— Теперь верю Ариэтт, — передал Микос по мысленной связи. — У этого места действительно слишком много голосов.

— Нас водят по кругу, — передал он.

— Или проверяют, насколько быстро мы перестанем доверять собственным глазам.

Впереди послышался кашель. У стены сидела сгорбленная старуха в изорванной мантии. Цепи на её запястьях уходили прямо в камень.

— Помогите, — выдохнула она. — Найдите моё ожерелье. Без него я не смогу выбраться.

— Кто вы? — Микос не приблизился.

— Настоящая Скальд. Та женщина наверху — Вайлент. Она пришла сюда много лет назад, пленила меня и подчинила замок иллюзиям. Ей нужны новые ученики, чтобы кормить чары вашей силой. Амулетов, которые вы ищете, не существует.

Предупреждение Ариэтт всплыло в памяти Аднилата: не верьте первому, кто назовёт себя проводником. Но старуха была уже второй.

Он попытался прочесть её мысли и снова наткнулся на преграду — не холодную, как у женщины наверху, а болезненную, похожую на ожог.

— Здесь подавляют наши способности, — сказал Аднилат. — Микос, попробуй скрыть клинок.

Кинжал исчез, но почти сразу проступил в руке серебряным контуром.

— Значит, кто-то действительно мешает магии, — произнёс Микос. — Но это не доказывает, что вы говорите правду.

— И не должно, — ответила старуха. — Проверяйте. Только поспешите: Вайлент убивает тех, кто задерживается в пещерах.

Братья решили продолжить поиски. Даже если старуха лгала, ожерелье могло оказаться одним из амулетов или ключом к выходу. Они выбрали правый проход, где мерцало больше кристаллов. Вскоре туннель сузился, а дорогу перегородили толстые корни. Микос принялся рубить их кинжалом.

После каждого удара из древесины выступала тёмная жидкость, а по стенам прокатывался едва слышный стон. Аднилат чувствовал не боль растения, а отголоски множества человеческих страхов. Корни впитали воспоминания тех, кто проходил здесь раньше. Перед ним мелькали незнакомые лица: маг с обожжёнными руками, девушка в белой одежде священницы, старик, прижимавший к груди пустую шкатулку. Все они искали амулеты и все в конце концов возвращались к одной и той же развилке.

— Стой, — сказал Аднилат. — Мы повторяем их путь.

Он закрыл глаза и позволил чужим воспоминаниям пройти сквозь себя. Большинство обрывалось у левого туннеля, где испытание превращалось в бесконечный круг. Но один человек когда-то заметил поток холодного воздуха за корнями. Микос понял его мысль без слов и стал рубить выше. За переплетением открылся узкий проход, которого не было на карте.

Что-то звякнуло о камень.

Под корнями лежала почерневшая цепочка с овальным медальоном. На крышке едва угадывался знак молнии, разделённой четырьмя лучами.

— Слишком легко, — заметил Микос.

— Именно поэтому мне это не нравится, — ответил Аднилат.

Старуха схватила ожерелье дрожащими руками. Едва застёжка сомкнулась на её шее, ржавчина осыпалась, а камни вспыхнули синим светом. Цепи раскалились и лопнули. Морщины разгладились, спина выпрямилась, лохмотья превратились в серо-синюю мантию. В её ладони возник посох, окружённый беззвучными молниями.

Вместе с её обликом изменилась пещера. Кристаллы зажглись, открывая высеченные на стенах имена. Их были сотни. Под некоторыми стояли даты, под другими — знаки гильдий, а

самые старые надписи почти стёрлись. Скальд коснулась ближайшего имени кончиками пальцев.

— Ученики, защитники, жители города. Вайлент заставляла их поддерживать иллюзию, пока от них не оставалось ничего. Я слышала каждого, но цепи не позволяли ответить.

Микос посмотрел на неё внимательнее.

— Если вы бессмертны, почему ожерелье оказалось там, где его могли найти случайные путники?

— Потому что бессмертие не означает всемогущество. Перед пленением я успела спрятать часть силы и направляла к ней тех, в ком ощущала сопротивление чарам. Многие слышали мой зов, но принимали его за очередную ловушку. Вы первые, кто усомнился и во мне, и в своих сомнениях.

Адниллат ожидал удара, но женщина лишь глубоко вдохнула, словно впервые за много лет почувствовала воздух.

— Моё имя Скальд Лионен, — сказала она. — Я глава Гильдии Шторма и посол Гильдейского альянса в южных землях. А теперь посмотрим, сколько ещё Вайлент успела украсть у моего дома.

Она коснулась посохом пола. Пещера содрогнулась, и на руках братьев появились амулеты: у Аднилат — латунный перстень с чёрной вставкой, у Микоса — браслет с такими же камнями.

— Это диофат, — объяснила Скальд. — Обсидиан, изменённый магией Великой войны. Лик Тени отзывается через него на волю владельца. Амулеты не сделают вас сильнее сами по себе, но позволяют Шторму узнать вас.

— Значит, испытание окончено? — спросил Микос.

— Настоящее испытание началось в тот миг, когда вы усомнились в увиденном. Вы могли бросить пленницу, убить её или бездумно исполнить приказ Вайлент. Вместо этого вы искали правду. Для Шторма этого достаточно.

У входа в замок слышались крики. Вайлент приказывала собрать книги и готовиться к бегству. Когда Скальд вышла из пещеры, самозванка побледнела.

— Что вы наделали? — прошептала она.

Скальд подняла посох. Молния обвила Вайлент и сомкнулась вокруг неё прозрачной клеткой. Близнецы и двое мужчин попытались колдовать, но символы на их ладонях погасли. Иллюзия рассыпалась: золотые глаза Вайлент потемнели, роскошные мантии превратились в грязные плащи, а призванный ими призрак исчез вместе с остатками искусственной грозы.

— Вы столько лет прятались за моим именем, — сказала Скальд. — Теперь ответите перед теми, чьи жизни забрали.

Она провела братьев через зал. За каждым её шагом загорались факелы, трещины затягивались, а каменные блоки возвращались на разрушенные стены. Над Хэлсторном раздался первый настоящий гром. Ливень хлынул на улицы, смывая кровь и грязь. Из закрытых казарм выходили стражи, освобождённые от долгого заклятия сна.

Пробуждение давалось городу не без боли. Некоторые стражи падали на колени, не узнавая состарившихся родственников; другие обнаруживали, что их дома давно превратились в развалины. Жители, много лет жившие под чарами безразличия, внезапно вспоминали погибших и плакали прямо под дождём. Скальд не отворачивалась от их горя.

— Одной грозы недостаточно, чтобы всё исправить, — сказала она. — Камни можно вернуть на место за несколько мгновений. Людей — нет. Хэлсторну потребуются годы, и даже после этого он останется другим.

— Город был связан с Ликом Тени, — пояснила Скальд. — Пока Вайлент удерживала меня, всё вокруг умирало вместе с замком.

В восстановленной библиотеке она положила перед братьями тяжёлую книгу с серебряной молнией на обложке.

— Это свод заклинаний Гильдии Шторма. Книга не откроет вам знания, к которым вы не готовы. По мере обучения на её страницах будут появляться новые знаки. Шторм можно соединять с огнём, водой, воздухом и землёй, но каждое такое заклинание потребует владения обеими силами.

Микос коснулся обложки, и по пальцам пробежало покалывание.

— Вы знаете, зачем нам эта сила?

— Вы ищете Джодоса, — ответила Скальд. — Его след не исчез. Он лишь проходит там, куда обычный взгляд не проникает. Диофат ещё приведёт вас к ответам, но не спешите считать каждую найденную правду спасением.

— Вы встречали его? — Аднилат подался вперёд.

— Не здесь и не таким, каким вы его помните. Большого пока сказать не могу. Есть знания, которые меняют будущее уже одним своим произнесением.

Это был не тот ответ, на который надеялись братья, но впервые за шесть лет они получили подтверждение: поиски не были напрасны.

Скальд передала им книгу.

— Используете ли вы Шторм во благо или во зло, решать вам. Помните только: добро иногда рождает бедствие, а жестокость порой спасает тысячи. Сила не избавит вас от выбора — она лишь сделает последствия тяжелее.

Прежде чем отпустить их, она раскрыла книгу на первой странице. Серебряные линии сложились в простую схему: вдох, движение ладони и короткое слово, обозначавшее не молнию, а путь для неё. Аднилат повторил знак. Между его пальцами вспыхнула тонкая синяя нить и тут же погасла. Микос добился лишь сухого треска, зато его браслет ответил слабым сиянием.

— Не пытайтесь удержать разряд силой, — предупредила Скальд. — Шторм не терпит клетки. Направляйте его, но всегда оставляйте выход. Тот, кто замыкает молнию на себе, становится её последней целью.

Она велела им упражняться только вдвоём, пока книга не откроет защитное заклинание. Аднилат спрятал её под плащом. Вес тома ощущался непривычно, словно вместе с ним братья уносили из замка часть самой грозы.

Когда братья вышли из замка, Хэлсторн было невозможно узнать. Дождь утихал. С ветвей стекала чистая вода, на почерневших клумбах раскрывались первые цветы, а жители растерянно выходили из домов. Тела исчезли с улиц, разрушенные стены поднимались под действием магии, и над городом впервые за долгие годы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.